

«...Сама хозяйка своей судьбы»

Письма Галины Старовойтовой. Публикация, вступительная заметка и примечания Ольги Щербининой

Опубликовано в журнале «Звезда» 2004, №4

С Галиной Старовойтовой я познакомилась в середине 1960-х годов в доме на Литейном, 61. Там я снимала комнату в огромной коммунальной квартире с лепными потолками, той самой, где жил и Миша Борщевский, тогда друг, а в будущем муж Старовойтовой. В последний же раз мы встречались с Галиной Васильевной в Москве за год до ее гибели.

Писем Старовойтовой у меня сохранилось немного. Я выбрала несколько, ленинградского периода. Первое — тридцатилетней давности. Гале было тогда 28 лет, мне немного больше. Письма адресованы в Свердловск, нынешний Екатеринбург, где я родилась и провела, с многолетними перерывами — в том числе на Ленинград 1960-х, большую часть жизни. Письмо в марте 1974 года адресовано на мой давний мрачный адрес — в переулок Шорный, что лепится сбоку Сибирского тракта, с его не только судьбоносной историей, но и антигринписовскими КАМАЗами, номерным заводом, домишками “нахаловки” (деревянный самострой, ныне снесенный), овощебазой, где за почасовую плату студенты перебирали овощи и фрукты и пытались вынести за пазухой пару яблок на ужин... Письма из Питера были мне лучом света в темном царстве Сверхжлобска, как назвал Свердловск Миша Борщевский, имея в виду кондовость партийно-промышленной номенклатуры (а лучше бы сказать — мафии) “завода заводов”. Писем я ждала страстно, мечась как подстреленный гусь в замерзающей полынье вслед улетевшей стае. (В столицах тогда мне осесть не удалось.) Наша семья все ютилась по вороньим слободкам: большую семью вообще-то косило, начиная с 17-го вплоть до 42-го, уцелевших мело и мяло, пока не притиснуло к забору за Сибирским трактом...

В 1985 г. письмо пришло на улицу Куйбышева, 72. Через дом жил Николай Коляда (сейчас переехал), сумевший из тех же вороньих слободок извлечь свою Судьбу и выковать новую драматическую школу. Старая истина — тесен мир...

Коляда, кстати, тоже написал мне пару поздравительных открыток — почтой, хоть и через дом — сознавая, видимо, что его автограф — культурно-исторический факт. В то время как Старовойтовой и в голову тогда не приходило, что ее письма попадут в музей, будут опубликованы. Тщеславием она не страдала, было другое: понятие о чести и долге, о чистой совести и служении своей стране.

Письма Галины Васильевны писаны спокойным, четким, уравновешенным почерком.

* * *

Ленинград, 25.03.74

Дорогая Оля, ради Бога, извините за молчание. Письма действительно несколько задержались, а после их получения — последние 7—10 дней мы¹ в самом деле были очень заняты, хотя, несомненно, со дня на день собирались написать.

Кроме того, мы вообще скорее погружены в себя и не очень живо реагируем на внешний мир. И Ваше первое письмо несколько обескуражило бурным натиском, выплеском духовной и мыслительной жизни, порождая некоторую нашу немоту. Наша жизнь, видимо, несколько животнее (22.04. 73):² люди благополучные вообще дремотнее, равнодушнее. Мы очень вяло следим за отечественными литературными новинками, например.

Что касается вещизма — это очень разработанная в социологии тема, можно было бы много говорить о ней. Есть этнографические, урбанистические, психологические, потребительские, престижные, сигнальные etc. аспекты. Многие авторы писали об этом у нас и abroad. Было бы интересно посмотреть Ваше эссе. Что до Уайеса — я не согласна, он как раз повсюду предполагает человека за кадром, на посуде видны атомы его губ, рук.³

Впрочем, все это только чтоб не бросить вовсе незаконченными те сюжеты, которым я собиралась посвятить то, давнее письмо месяц назад.

Способны ли Вы нас (меня особенно) извинить? У меня был некий анабиоз, это главное, хотя я могла бы сослаться на действительно имевшие место дела, болезни (мои и сына)⁴ и пр.

Спасибо, письма и посылки приходили вовремя,⁵ и казалось, что прошло всего два-три дня, и ответ не опаздывает.

Как Ваше здоровье? Что это было?

Было бы очень приятно переписываться с Вами. Если что-то в наших силах, то мы можем поспособствовать переезду в Л-д (подыскать какое-л. место с лимитной пропиской и т. п.). Может быть, купить что-нибудь и выслать? Обувь и др. — только, конечно, не в очень короткий срок, в пределах 2—3 недель. Это не в искупление вины, я собиралась предложить эти мелкие услуги сразу же.

<...>У нас новостей немного. Мишина книга пошла в издательство.⁶ Сам он поехал в санаторий в Ессентуки. Мы с Платошей приболели, и у меня все время проблема его пристройства: для хождения за продуктами, на чтение лекций, на обязательные заседания... <...>

Галя

¹ “Мы” — это Галина и ее муж Михаил Борщевский, в то время сотрудник ИСЭПа (Ин-т соц.-экономич. проблем). Галя познакомилась с ним в 15 лет (он на 7 лет старше), это отдельный сюжет. Михаил оказал влияние на формирование взглядов и личности Галины, склонив ее к философскому образованию (она начинала в техническом вузе), приобщив к диссидентскому кругу и т. п.

² Новая, апрельская дата вписана слева на полях, т.е. письмо от 25.03.74 (как помечено вверху) было прервано, а закончено только через месяц. И вот что замечательно: автор попадает в оставленную колею точно, без промашки, не сбив ни почерка, ни ритма, прямо после двоеточия через месяц продолжая фразу, будто и не было большого перерыва. Самодисциплина, умение владеть своим настроением, стилем, поведением в высшей степени характерны для Старовойтовой. Оговорки, описки, помарки в речи или письме были ей совсем не свойственны. И все же, Галя вместо 74-го года ставит на полях 73-й! Поистине “счастливые часов не наблюдают...”.

³ Эндрю Уайес (Wyeth, 1917—1979) — американский художник. В письмо вложена открытка ИЗОГИЗа — натюрморт Уайеса “День крота” (1959). Возможно (подводит память), в России в тот момент проходила выставка этого художника.

⁴ Сыну Платону было в то время 4 года.

⁵ Что это были за посылки — не помню; скорее всего, высылались целебные сушеные травы, ягоды и грибы, так как я в те годы проводила каждое лето с дочкой в уральской деревне. Сама Галина очень любила делать подарки всю жизнь.

⁶ М. В. Борщевский выпустил несколько книг по социологии. Галина же в то время, защитив кандидатскую, работала в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде.

Кисловодск, 03.05.82

Дорогая Оля! Твое письмо получила здесь самым первым и очень ему обрадовалась, т. к. уже начала тосковать среди чужих и чуждых людей.¹ Живу в санатории уже неделю, с погодой не очень везет (необычные для Кисловодска дожди), а главное — еще до отъезда у меня началось обострение пневмонии, и стоило бы сдать или отсрочить путевку да полечиться сначала, но уж очень громоздким делом было бы менять все планы, сдавать билет, перестраивать экспедицию (куда еду непосредственно отсюда) и т. д., так что приехала больною, с ознобом в поезде, глотая антибиотики, — и получила постельный режим, уколы, электрофорез и т. п., а также отказ в нарзанных ваннах и прогулках по горам, лесопарку. Соседка — черкешенка, мне интересна, вторая — начмед из Волгодонска, прямолинейна и неудобоварима в общезитии.

Сам город я очень люблю, он весь остался на рубеже веков, чуть прихватив влияния нэпа, а природа — чуть смягченный вариант Кавказских гор. С горок в парке виден белый Эльбрус,² да я туда пока не ходок.

Надеюсь, еще все успею и сумею насладиться отдыхом, когда вылечусь.

Ты спрашиваешь, с кем я, — да считай, что одна. Миша держится непонятно, писем не было, по телефону я “доставала” только Платона; в Ленинграде неожиданное несчастье — умерла в одну ночь от инсульта жена Ильи, Мишиного брата, Мила, в 45 лет. Миша пропал там, все были на похоронах. На майские праздники Илья с сыном (25 лет) и Миша с Платоном поехали на машине Ильи в Таллин развеяться, и я беспокоюсь (дорога забита, Илья — глуховатый и нервный — за рулем; будут пить и т. д.). Еще досада — мой доклад, кажется,

безнадежно пропал, а я его плохо помню. Попыталась здесь переписать с магнитофона, и кассета испортилась. Твои замечания были очень ценны; спасибо. Действительно, очень интересен был бы разбор какого-либо рассказа, повести, где много реалий быта, вещей, под тем углом зрения, о котором ты говоришь.³ Можно дать сравнительный анализ из разных литературных эпох. Попытаюсь все-таки сделать такую статью, а если бы у тебя нашлось время на лит. разбор (по твоему выбору) — может быть, я бы его смогла пристроить публикацией куда-нибудь (правда, бесплатной).

Теперь о твоих делах.

Поездка к Дмитрию <...>⁴ заманчива, но “чревата”. <...> Выдержишь ли ты два месяца трудов и нервных отношений?..

<...> Спрашивал, между прочим, не смогу ли я приехать тоже, — я ничего определенного не ответила. Но, конечно же, он имеет в виду активное хозяйничанье гостей, а не прохлаждение.

<...> Мои планы таковы (пока, если все будет в порядке) — продлить путевку (доплатив) до 20—21 мая, чтобы все-таки получить курс нарзана; потом поехать по маршруту: Нальчик — Орджоникидзе — Сухуми; в Сухуми быть к 25—26 мая (отряд начнет работать на 10 дней раньше), в июне вызвать в Абхазию Платона, числа с 10—12 от отряда с ним отделиться (договорюсь с начальством) и просто отдохнуть где-нибудь у моря дней 10. Около 20—25 июня — вернуться в Л-д, где будет много работы; летом работать (дома, в Комарово) — возможна недолгая вылазка в Карелию.

<...> Привет Насте. Целую тебя, пиши сюда, потом — Сухуми,⁵ главпочта, до востребования.

P.S. Что на ТВ с пьесой Дмитрия? (Балашова. — О. Щ.)

¹ Старовойтова любила общество, большие компании; на днях ее рождения, на Новый год в их с мужем квартире в Ленинграде, затем в Москве собиралось до полусотни человек. Пели, читали стихи, свои и чужие, больше “запретные”: Мандельштама, Цветаеву, Бродского; спорили о политике, обменивались номерами “Хроники текущих событий”. Помню, где-то в середине 1980-х выводили “Боже,

царя храни”. Запевал Евгений Аргышев, ныне покойный, один из основателей ансамбля старинной музыки “Мадригал”, и Лида Давыдова, поныне здравствующая на радость нам солистка и руководитель этого ансамбля. Круг общения Старовойтовой был обширнейшим, включая “провинциалов”, которые приезжали, звонили, писали (не было в ней и следа плебейского высокомерия или снобизма). Галина обычно входила в подробности обстоятельств собеседника, любила вместе с ним обсуждать его дела, давать советы, помогать, устраивать. У нее был, сказала бы я, комплекс Старшей сестры (а в семье она и была старшей сестрой: Оля моложе на два года). Казалось, энергии Галины требовался дополнительный выход, хотя чувство долга и дружбы играли, конечно, главную роль.

² О горах Галина писала на открытке с видом заснеженных вершин: “Я понимаю, почему люди поклонялись горам” (привожу по памяти).

³ Речь идет, насколько помню, о высказанных мною в письме соображениях: реалии быта интересно рассматривать с точки зрения национальной психологии (тогда еще мы не слышали о Георгии Гачеве), о замысле, который в дальнейшем я осуществила отчасти в цикле статей во всероссийском журнале “Родина”, книжке “Символы русской культуры” и проч. О каком докладе Старовойтовой идет речь — не помню.

⁴ Далее на целом листе следует детальный разбор, все “за” и “против” моего приезда на лето в Карелию, в деревню Чеболакша, к Дмитрию Михайловичу Балашову (1927—2000), ученому и историческому писателю, с которым я познакомила Старовойтову, как и ее мужа, еще в 1970-е годы в Ленинграде. Расходясь во взглядах, Балашов и Старовойтова высоко ценили друг друга; диапазон дружеских связей и толерантность Старовойтовой вообще были беспрецедентны. Она не прощала только серости.

⁵ Галина Васильевна была участницей, а затем и начальником научных этнографических экспедиций на Кавказ. Собранный ею обширный материал всегда далеко выходил за рамки поставленной узкопрофессиональной задачи и касался истории, быта, религии, нравов, верований, политических реалий и проч. и проч. абхазов, армян, азербайджанцев, татар, чеченцев. Сужу об этом не понаслышке, так

как мне посчастливилось быть в конце 1980-х участницей экспедиции в Нагорный Карабах (незадолго до “событий”), и я поражена была глубиной и обширностью знаний Старовойтовой прошлого и настоящего армян и других кавказцев.

Ленинград, 13.10.85

Дорогая Оля!

Получила твое письмо с опозданием и отвечаю не сразу — чуть переведа дух от сложности жизни и обилия дел и поездок за последние 2 месяца. Говоря “пунктиром”, было так:

1) Конец июля — конец августа — экспедиция (я в отряде у приятеля, не нач-к, т. к. должна уехать раньше) в Азербайджан, на иранскую границу, к русским сектантам, высланным туда 150 лет назад за веру (молокане, баптисты, иудействующие; страшно интересно, святые люди в ужасных условиях).

В тени температура +43–44о, а тень — только в метеобудке. Малярийные комары. Воды нет, зато есть азерб. мафия, туберкулез, бруцеллез. Временами было просто опасно: в отряде гепатит, по пятам ходят аборигены в кепках-аэродромах и следят, чтоб мы не узнали, что в ведомости на зарплату люди (все! всегда!) расписываются за одну сумму, а получают (всегда!) другую — вчетверо меньшую. Сектанты ведь — непротивленцы, и мусульмане этим пользуются. Окающие голубоглазые старушки читают по-древнееврейски плач Иеремии, делают сыновьям обрезание — но русской грамоты не знают... Живут в срубных избах с пальмами под окнами... Интересно страшно, но месяц там не спала от жары, гнуса, тревог.

2) Через Москву (2 дня) прилетела в Ленинград, где в реанимации лежала мама — пришлось прооперировать по жизненным показаниям — удалили желчный пузырь, гангренозный, со свищом. Выхаживали с сестрой лежачую. Сейчас поправилась.

3) В день выписки мамы полетела в командировку в Архангельск, на конференцию, поскольку участников везли на Соловки (а их обещают закрыть пограничники). Отсняла слайдовую пленку. Читала по “Знанию” лекции командам стоявших на рейде судов (обвозили на катере). С деньгами-то туго.

4) Тем временем двигался обмен на Москву. Миша приехал на неделю и начал ремонт (капитальный, с заменой ванны и т. п., с переносом стен, кафелем, деревянными обшивками и т. п. — на полторы тысячи с оплатой рабочих). Вернувшись, я сменила его на ремонтном посту. А вещи, книги,¹ мебель упаковали в контейнеры и отправили в Москву еще до Соловков. Опять ночи были без сна — не успевали к подаче контейнеров.

5) На работу тоже пришлось ходить в это время, и там пришла за это время моя книга с монтажки. Пришлось поработать над текстом. Впереди — цензура. Выйдет, Бог даст, во II квартале.

6) Совсем заматавшись, достала через друзей в Абхазии путевку в санаторий. Миша и Платон уже уехали жить в Москву; Платон пошел там в англ. школу. Вещи лишь слегка разобрали (там тоже нужен бы ремонт, но нет сил и денег). Через Москву 30 сентября вылетела в Сухуми.

Приехала в Гагры. Санаторий у полосы приборя, пытаюсь спать под его шум. Но усталость что-то не снять; болит сердце. <...>

Страшновато возвращаться в Ленинград — там больше нет моего дома, да и нигде больше нет. Поживу у сестры, у родителей, но это нелегко. Месяца 3—4. А в Москву ехать еще страшнее... Район — глухой, далеко от центра, далеко от метро. В Институте в Москве того тепла, что в Л-де, не будет — только суетная борьба за статус (впрочем, меня как раз уже повысили — дали ст. научн. сотр., 250 рублей — наконец-то из нищеты выбьюсь, но пока — долги).

<...>И вообще постарайся жить с ощущением того, что ты сама — хозяйка обстоятельств (и это так — даже у моих молокан, живущих в нищете, но с миром в душе), а не их жертва. Ну, пиши, приезжай... куда-нибудь... В Москве и гостей-то толком разместить негде; 2 комнаты смежные, но найдем угол.

Целую. Галя

¹ Библиотека Старовойтовой — Борщевских насчитывала несколько сотен томов; книги по философии, психологии, социологии, искусству; поэзия, альбомы живописи, тома художественной литературы, в том числе многие — издательства

ИМКА-прессы. В этом доме я впервые прочла “Лолиту” и “Дар” Набокова (“Дар” — любимый роман Галины), “Роковые яйца” Булгакова, Мандельштама, Бродского; “Архипелаг ГУЛаг” — запрещенной литературы хранилось множество, в том числе и самиздата.

Публикация, вступительная заметка
и примечания Ольги Щербининой